

УДК 115/397

DOI: 10.34670/AR.2020.91.23.018

Презентизм: время до и после модерна**Шипилов Андрей Васильевич**

Доктор культурологии, доцент,
профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин,
Воронежский государственный педагогический университет,
394043, Российская Федерация, Воронеж, ул. Ленина, 86;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается феномен презентизма в восприятии времени, относительно которого постиндустриальное общество противопоставляется индустриальному и уподобляется не столько традиционному, сколько доисторическому преаграрному социуму, практиковавшему присваивающее охотничье-собираческое хозяйство. Постистория и доистория тем меньше отличны друг от друга, чем больше отличны от истории, и если в последней темпоральное предстает линейно-векторным движением, направленным от прошлого к будущему, то в первых выглядит бесконечно растягивающимся длением монотонно лонгируемого настоящего. Современный социум в результате развития информационных производственных и коммуникационных технологий входит в процесс реархаизации, понимаемой как ретрайбализация, реномадизация и ремифологизация. В этом отношении между постмодерном и премодерном выявляется все больше аналогий, изоморфизмов, симметричностей и эквивалентностей. Примитивные неспециализированные охотники и собиратели находились в постоянном движении, не хранили, не копили и не наследовали имущество, не думали о будущем и обладали минимальной памятью о прошлом. В силу этого их восприятие времени было сосредоточено на настоящем, выводя фуражиров за пределы истории как такого способа понимания событийности, в котором настоящее рассматривается как следствие прошлого и причина будущего. Становящееся постисторическое общество, характеризующееся сокращением трудовой в пользу досуговой (собственно социальной) деятельности, повышением территориальной и разнообразной иной мобильности населения, флексибилизацией социальных институтов, переходом от владения имуществом к пользованию услугами, производством, обменом, потреблением и коммуникацией в режиме реального времени, уподобляется доисторическому, чем и объясняется наметившийся тренд от историзма к презентизму.

Для цитирования в научных исследованиях

Шипилов А.В. Презентизм: время до и после модерна // Культура и цивилизация. 2020. Том 10. № 4А. С. 143-155. DOI: 10.34670/AR.2020.91.23.018

Ключевые слова

Время, презентизм, премодерн, постмодерн, реархаизация, ретрайбализация, ремифологизация, коммуникация, мобильность, собственность.

Введение

О конце истории можно писать бесконечно и, раз начав, трудно закончить. Видимо, единственное, что можно здесь сделать, – это писать не об истории, а о неистории – о том, что до и после истории, что, максимально отличаясь от нее, минимально отличается друг от друга. Под историей мы имеем в виду такой тип понимания событийности, где настоящее рассматривается как следствие прошлого и причина будущего, базирующийся на линейно-векторной концепции времени, под неисторией – примечательно аналогичные до- и послесовременные способы мышления темпорального как неограниченно лонгируемой презентности, производные от восприятия времени как лишённого перспективы и ретроспективы безначально-бесконечного дления. Относительно последнего нынешнее/становящееся постиндустриальное общество до удивления напоминает даже не доиндустриальное, а доаграрное общество условной первобытности [Шипилов, 2012, 11-16]. Об этом небезынтересном тренде автору и хотелось бы представить некоторые соображения.

Прогнозирование послеисторического будущего предполагает реконструирование доисторического прошлого, так как и в последнем, и в первом случаях выступающее не средой, а свойством происходящего время ощущается как тотальное настоящее. Заниматься этим представляется предпочтительней не в плотном дискурсе философии истории, а где-то в не столь заставленном коннотациями и ассоциациями зазоре между антропологией и социологией, по возможности используя вместо понятий пре- и постистории концепты пре- и постмодерна, хотя, конечно, и за ними тянется изряднейший шлейф семантических обязательств. Кажется, сегодня «постмодерн» уже уступил место «постпостмодерну», так что необходимым для определения антонимом должно выступить что-то вроде «препремодерна». Несмотря на очевидное безобразие формы, содержание этих неологизмов несет в себе определенный эвристический потенциал, так как ряд актуальных аспектов наличной социальности заставляет вспомнить не о том, что ей предшествовало, о том, что предшествовало предшествовавшему ей. Конспект контекста таков: если индустриальное общество выявляло свою специфику в противопоставлении обществу аграрному, то постиндустриальное выявляет свою специфику в уподоблении преаграрному – донеолитическому, охотничье-собирательскому, присваивающему [Шипилов, 2018]. Постиндустриальные консьюмеры-потребители демонстрируют замечательное сходство с преаграрными фуражирами-присваивателями в том плане, что их основным занятием является социальная деятельность как таковая, а вовсе не трудовая [Шипилов, 2019]. И у тех, и у других мобильность коррелирует с флексибельностью; нынешний, а тем более возможный будущий социум разжижается и деморфизируется, чем напоминает слабоструктурированные в отношении горизонтальной специализации и вертикальной стратификации примитивные группы, и то же самое происходит с индивидом (так сказать, закрытие личности и осевое время наоборот). Выпав когда-то из мифа в историю, современное общественное сознание все более впадает из истории в миф: вместо характерной для прошлого столетия акцентированной хроносенситивности, обостренной чувствительности в отношении уникальности любой и каждой эпохи, налицо деградация историзма и доминирование презентизма. Бесконечно растущая в информационном мире скорость транзакций и коммуникаций лишает время проспекции и ретроспекции, обращая его в чистое «сейчас», что опять-таки заставляет вспомнить об охотниках и собирателях, которые не запасали продукты и орудия, обладали минимальной памятью о прошедшем и совершенно не задумывались о предстоящем. Данные и прочие симметрии и изоморфизмы между

доисторическим прошлым и постисторическим будущим, выявляемые предметно-методологической комбинацией антропологии и футурологии, при всей своей неоднозначности стимулируют к изменению угла зрения и освежению восприятия; это касается и изменения восприятия времени, где постмодерн настолько же отличается от модерна, насколько уподобляется премодерну.

Рearхаизация как ретрайбализация и ремифологизация

То, что происходит сегодня с информационным обществом по мере все ускоряющегося технологического прогресса, все чаще концептуализируется как рearхаизация [Пржиленский, Пржиленская, 2019], наиболее очевидно значимыми аспектами которой выступают ретрайбализация социума и ремифологизация сознания. Так, М. Маффесоли рассматривает современное общество как воспроизводящее многие черты архаического: на смену прометеевскому продуктивизму рационалистически-индивидуалистского модерна, построенному на императивных ценностях производства, труда, прогресса, приходит становящийся в процессе ресаважизации (*réensauvagement* или *rewilding* – возврат к дикости, вторичное одичание) дионисовский оргиазм иррационалистически-коллективистского постмодерна, где рефлексия отступает перед переживанием, интеллектуальное – перед сенсуальным, открытие и созидание – перед аффектом и экстазом. Это «мир, состоящий из триб», социальность городских племен, где структура общества характеризуется неотрайбализмом, образ жизни – неономадизмом, а тип мышления – неомифологизмом. При этом архаические черты постмодерного общества не просто соседствуют с новейшими достижениями техники, но есть их корреляты и дериваты: постмодерн определяется французским социологом как синергия архаики с развитием технологий, в первую очередь информационно-коммуникационных [Алиева, 1995, 117-120; Маффесоли, 2016, 283, 289; Шубрт, 2018, 27-30].

Несколько ранее на связь между возникновением телекоммуникационной технологии и возвращением ментальнодискурсивной мифологии указывал и М. Маклюэн: «новая электрическая технология», по его словам, «с исключительной быстротой и основательностью воссоздает в нас самих условия и установки примитивного племенного человека», так что «электронный век неизбежно ведет нас обратно в мир мифических видений» [Маклюэн, 2007, 270; Маклюэн, Фиоре, 2012, 215]. Спустя более полувека с тех пор, как это было написано, медиатеchnологии настолько глубоко и тотально интегрировались в культуру повседневности, что практически перестали восприниматься как таковые. Как отмечает В.П. Коломиец, «это уже не технические средства, наполняющие нашу жизнь разнообразными образами, а практически не рефлекслируемая окружающая среда» [Коломиец, 2010, 59], заложниками которой мы все являемся. Образное содержание электронных медиа сочетается с экраным эклектизмом формата подачи, что превращает системно-рациональную картину мира в мозаику (по А. Молю [Демина, 2010, 88]) или, скорее, в калейдоскоп аддитивно соположенных сообщений, чья конфигурация перманентно меняется. Речь не только о массовой культуре: клиповое сознание распространяет область своего доминирования даже на науку, так что исследователям рекомендуют излагать результаты собственных штудий в мультимедийном стиле, т. е. вместо «фиксированной целостности текста» в виде «потока постоянно обновляемого содержания», не обращая внимания на «возникающие при этом эффекты фрагментации содержания и рассеяния авторства» [Иванов, 2010, 63]. Если уж академическое творчество по своим характеристикам

уподобляется фольклорному и literacy синтаксически и грамматически все менее отличимо от orality, то образно-потокковая продукция медиа тем более провоцирует и стимулирует ревитализацию пралогических/мифологических форм общественного сознания. «Повседневное функционирование массмедиа создает символическую, пронизанную мифологемами среду, которая если даже не формирует современного человека, то, как минимум, воздействует на него», – пишет О.Н. Стрельник. – «Несмотря на свою вторичность, современный миф тотален, пронизывает все пространство массовых коммуникаций» [Стрельник, 2018, 83]. Массмедиа создают гиперреальный символический мир, устроенный по законам мифологии: продуцируемые, транслируемые и потребляемые конструкции эклектичны и тем самым пралогичны в смысле незапрещения противоречия [Аксенов, 2016, 159].

Новая мифология тотальна потому, что тотальна сама порождающая ее сеть коммуникаций. Человек постмодерна предельно коннективен [Савельева, 2011, 71], он все время в сети и на связи – по мобильному, по Скайпу, в социальных сетях, мессенджерах и т. д. [Шульман, 2017, 45]. Охватившие весь мир телекоммуникационные сети дают возможность осуществлять информационное взаимодействие в режиме реального времени [Зарубина, 2012, 18], и современный человек коммуницирует/общается почти непрерывно, отрываясь для этого от любого иного занятия или, точнее, без отрыва от какого бы то ни было занятия. И в этом отношении ближайшим аналогом постмодерна выступает премодерн, причем изначальный и вместе с тем исторически наиболее продолжительный. Мы имеем в виду не просто доиндустриальное, а доаграрное общество, члены которого всегда стремятся минимизировать трудовую деятельность ради собственно социальной, заполняя время досуга непосредственным общением. Как сообщает Д.Л. Эверетт, наблюдавший быт амазонских индейцев пираха, они без перерыва разговаривают/общаются и днем и ночью: «Всю ночь в селении стоит гул голосов» [Эверетт, 2016, 93]. Столь же склонны к разговорному общению бушмены, пигмеи и другие охотники и собиратели. Впрочем, и примитивные земледельцы в данном отношении мало чем от них отличаются: по свидетельству Д. Даймонда, в 60-е – 80-е гг. занимавшегося исследованиями среди племен Папуа – Новой Гвинеи, «эти люди гораздо больше времени разговаривают друг с другом, чем мы. <...> Они непрерывно комментируют все, что происходит в данный момент, что произошло утром и что произошло вчера, кто, что и когда ел, кто и где мочился, обсуждают в подробностях, кто что о ком сказал и кто что кому сделал. Они не просто заполняют болтовней весь день; время от времени ночью они просыпаются и возобновляют разговоры» [Даймонд, 2016, 283, 363]. Здесь следует заметить, что автор цитаты родился в 1937 г., а в первый раз приехал в Папуа – Новую Гвинею в 1964 г., и его сравнение фактически относится к американцам и европейцам до эпохи доступных широкополосного Интернета и мобильной связи, с повсеместно-повседневным распространением/использованием которых они в указанном отношении вполне уподобились папуасам.

И реномадизация (мобильность – собственность = презентность)

Папуасы, как и многие другие народы Океании, Юго-Восточной Азии, Африки, Центральной и Южной Америки, а также некоторых регионов Европы, практиковали примитивное огородничество, предполагающее частые перемещения участков и поселений, так что земледелие здесь не предполагает оседлости [Кабо, 1980, 80-83; Кабо, 1986, 265-269]. Еще более подвижными по понятным причинам были этносы, перешедшие ко второй базовой форме раннего производящего хозяйства, – кочевые скотоводы [Плетнева, 1982, 145; Степи Евразии...]

1981, 6; Степи европейской части..., 1989, 113; Энеолит..., 1982, 322-333]. Но наиболее мобильными на протяжении сотен тысяч лет, начиная от сообществ первых гоминид и вплоть до существующих кое-где еще сегодня реликтовых обществ, являлись коллективы, ведущие присваивающее хозяйство, т. е. охотники и собиратели. Примитивных (неспециализированных) охотников и собирателей в антропологической литературе именуют *foragers*; так вот, фуражиры – как древние неандертальцы и кроманьонцы, так и современные бушмены, пигмеи, многие австралийские, южноамериканские, азиатские племена – пребывали/пребывают в постоянном движении, меняя стоянки с частотой от нескольких недель до нескольких дней, проходя в год до нескольких тысяч километров в ареале нескольких тысяч квадратных миль [Артемова, 2009, 218; Бужилова, 2000, 404; Вишняцкий, 2010, 138-139; Кабо, 1986, 103, 107, 112, 114, 128, 143, 175-176; Уэйд, 2016, 93]. Все свое фуражирам приходится носить с собой и, как правило, на себе, причем переноской имущества занимаются преимущественно женщины, у которых еще и в буквальном смысле дети на руках. Поэтому чем груз вещей меньше, тем охотникам и собирателям лучше: материальное имущество мало ценится, недолго хранится, практически не накапливается и фактически не наследуется (наследовать, по сути, нечего) [Моррис, 2017, 84, 90; Салинз, 1999, 47; Уэйд, 2016, 170]. Это обуславливает специфическое отношение неспециализированных охотников и собирателей не только к вещам (орудиям и утвари), но и к продуктам: они потребляют добытую охотой или сбором пищу на месте, не хранят ее и не делают запасов [Кабо, 1986, 131; Крживицкий, 1925, 27; Салинз, 1999, 44; Харари, 2016, 125]. Таким образом, не только постоянная коммуникация в режиме реального времени, но и базовые характеристики экономики в доиндустриальном и тем более в доаграрном обществе определяли собой восприятие времени как безначально-бесконечного настоящего, где минимум миниморум перспективы и ретроспективы делал доисторию неисторией.

Между тем происходящее все более начинает напоминать происходившее: сегодня мобильность населения растет, а ценность обладания вещами снижается. Современные люди, по замечанию Дж. Урри, «живут в состоянии мобильности» [Урри, 2013, 4], многочисленный мобилитет ведет фактически кочевой образ жизни, не имея дома в значении места постоянного проживания, мобильность выступает самоцельной и самоценной и, помимо всего прочего, служит маркером статуса и основанием господства [Бард, 2004, 227; Бауман, 2008, 20; Кастельс, 2016, 69; Никишин, 2019, 104]. Своего рода новый нomaдизм, делающий неудобным владение даже движимым имуществом, коррелирует со снижением цен на производимые с помощью информационных технологий товары, которые в перспективе вообще могут стать бесплатными [Мейсон, 2016, 14, 173], а пока что собственность на вещи все больше уступает место пользованию услугами. Растущая экономика совместного потребления – это не только уберизация и каршеринг [Урри, 2012, 489-490]. К. Шваб пишет, что сегодня «возрастающее число потребителей предпочитает больше не приобретать физические объекты в собственность, а платить за предоставление соответствующей услуги» [Шваб, 2016, 76], а в одном из последних докладов российского Центробанка отмечается, что развитие *Sharing Economy* «в перспективе может привести к пересмотру потребности иметь предметы в собственности» [Основные направления..., www]. Хранение, накопление и наследование вещей в ситуации, когда производители с целью поддержать потребление закладывают в технологию неремонтопригодность и искусственное устаревание, а ставки налогов на наследство достигают 60-70% (а в отдельных случаях и более), становятся иррациональными, а это ведет к разрушению связей поколений и времен, подлинным среди которых остается лишь настоящее.

Экономика постмодерна базируется не на трансгенерационном накоплении, а на

коммуникациях в режиме реального времени; сегодняшний доход не является ни следствием вчерашнего, ни причиной завтрашнего, заработок не переводится в капитал, прибыль – в ренту, и все это определяет растущее доминирование презентной темпоральности. Презентизм в восприятии времени обеспечивается не только постоянной взаимной доступностью абонентов коммуникационных сетей, но и минимизацией хронологической дистанции между потребительским запросом и его удовлетворением производителем. «Это мир категории “сейчас”»: мир реального времени, где мгновенно даются указания маршрута движения, а продукты питания доставляются прямо до двери, – характеризует экономическую современность К. Шваб. – Этот “мир категории сейчас” требует от компаний незамедлительного отклика в реальном времени, где бы они ни находились и где бы ни находились их клиенты или потребители» [Шваб, 2016, 70-71]. Согласно М. Кастельсу, «информационная экономика является глобальной», «это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты» [Кастельс, 2000, 105]. З. Бауман обращает внимание на то, что в нынешней текучей современности утвердилось «иллюзорное, мгновенное время мира “программного обеспечения”», эта «“мгновенность” означает непосредственное, немедленное выполнение», причем «новая мгновенность времени полностью изменяет модальность человеческого общежития»: характеризуя наступившую «эру мгновенности», автор, цитируя Г. Дебора, подчеркивает, что «современные мужчины и женщины отличаются от своих отцов и матерей тем, что живут в настоящем, “которое хочет забыть прошлое и, очевидно, больше не верит в будущее”» [Бауман, 2008, 128, 138, 140].

Темпоральность индустриальная vs постиндустриальная

Уходящее сегодня в историю историческое восприятие хронического, где настоящее производилось прошлым и само производило будущее, было продуктом индустриального общества и бюрократического государства Нового времени. Тогда биологическое время сменилось не просто социальным, а «бюрократическим формальным временем», квантитативно часовым и функционально дисциплинарным [Кастельс, 2016, 52]. Дж. Урри связывает замещение природного проживаемого времени социальным измеряемым временем с внедрением железнодорожных расписаний, которые ввели общество модерна в новый часовой режим, выводящий темпоральность за пределы естественных суточных и сезонных циклов и ритмов [Урри, 2012, 212-213]. Э. Томпсон, как напоминает в своей статье И.А. Коновалов, соотносил формирование темпорального сознания Нового времени со спецификой капиталистического производства, трудовая дисциплина которого строится на эксплуатации наемных работников. «Индустриальная организация труда все больше превращает труд в последовательную и регулярную деятельность, в то время как в доиндустриальный период труд зависел от непредсказуемости природы и социальных обычаев» [Коновалов, 2019, 202]; кроме того, капиталистическое производство базируется на разделении труда и машинной индустрии, что требует синхронизации работы людей как с машинами, так и между собой, превращая время в значимый, ограниченный и измеряемый ресурс [Там же, 210-212]. Под воздействием всех этих факторов время стало мыслиться линейно-векторно как направленное и необратимое, темпоральные феномены предстали каузальными, распространились генетические объяснения событийности, униформизм сменился историзмом – «каждой эпохе теперь приписывались собственные, специфические законы» [Клейн, 2015, 55].

Но сегодня налицо совсем другая темпоральность: мир в состоянии «после современности»

стал «миром интенсивного настоящего» [Иванов, 2010, 25]. Эту презентность М. Кастельс обозначает как связанное с развитием информационных технологий «мгновенное время»: темпоральность постмодерна характеризуется «временем мгновенного “сейчас” при отсутствии последовательности или цикла»; «время в сетевом обществе не имеет ни прошлого, ни будущего», соответственно, «время истории и исторических идентичностей “выгорает” в мире, где только немедленное удовлетворение имеет значение и где конец истории провозглашается бардами, воспевающими победителей» [Кастельс, 2016, 52, 69]. Дж. Урри констатирует, что часовое время индустриального общества все больше уступает место представлению о времени «как о текущем, относящемся только к настоящему мгновению» [Урри, 2012, 245]. Другие исследователи считают основной причиной появления новой темпоральности переход от тейлоризма к постфордизму: современная организация труда базируется на нестандартной занятости (временные контракты, прекарность, самозанятость когнитариата и т. д.), сами трудовые операции менее подчинены ритмике машинного производства, работа приобретает креативно-проектный характер и ориентирована на достижение цели, а не на внешние временные рамки. Современный работник «лишен темпоральной ориентации, поскольку постоянно изменяются хронологические ориентиры и структуры повседневности. Неопределенность и прекарность занятости даже квалифицированных рабочих создают невозможность четкого планирования и представления будущего, что приводит к сужению темпорального горизонта» [Коновалов, 2019, 217]. Наконец, презентная темпоральность выступает предметом обсуждения в физике и философии. В физической концепции блок-вселенной отвергается различие между прошлым, настоящим и будущим и фактически элиминируется онтологичность времени: все происходящие с объектом события соединены мировой линией, существующей целиком. А.Ю. Севальников пишет: «При таком подходе ничто не возникает и не исчезает, все уже существует на мировой линии, все моменты времени рассматриваются как одинаково значимые» [Севальников, 2018, 193]. Это напоминает некоторые философские теории статичного времени, согласно которым «“прошлое”, “настоящее” и “будущее” существуют в реальности, так сказать, одновременно, подобно разным местам на поверхности. Время как бы стоит, а наше сознание, продвигаясь вдоль “мировой линии”, наталкивается на события, и вот как раз момент встречи с ними и есть “настоящее”, “теперь”, “сейчас”» [Клейн, 2015, 70].

Безвременное настоящее архаики

Ближайшим аналогом презентизма послесовременности является презентизм досовременности, и тем ближе, чем дальше от современности. Филогенез здесь подобен онтогенезу: как малолетний ребенок целиком пребывает в настоящем, так и первобытные предки человека жили в «безвременном настоящем» [Там же, 20, 23]. Презентность в восприятии времени характерна и для этнографически изученных фуражиров, которые не только всегда сориентированы на настоящее и не думают о будущем, но и о прошлом вспоминают нечасто, являя собой пример «амнезийного общества» [Романовский, 2011, 14], а главное, делают это весьма специфическим образом. Время первобытной ментальности, где, согласно Л. Леви-Брюлю, вещи и события вместо причинности связываются партиципацией, не количественно, а качественно, неоднородно и расплывчато, недаром «почти все языки первобытных народов столь же бедны средствами выражения временных отношений, сколь богаты средствами выразить отношения пространственные» [Леви-Брюль, 2002, 365]. С

последним дело обстоит действительно так, а иногда и еще хуже: например, в языке риау отсутствуют грамматические средства для выражения категории времени и характеристик протекания действий в нем [Панов, 2017, 264-265]; в языке хопи нет глагольных времен, так что «все время протекает вместе, как вечно продолжающееся настоящее» [Клейн, 2015, 20]; в языке пираха, чья жизнь и деятельность не регулируется суточным циклом и «практически все их интересы сосредоточены “здесь и сейчас”... в принципе не может быть коррелятов столь привычных нам лексических показателей времени как вчера, сегодня, завтра, утро, вечер, неделя, месяц и год» [Эверетт, 2016, 354-355]. Как сообщает Д.Л. Эверетт, пираха «не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое», соответственно, у них нет космогонических мифов и старинных преданий [Там же, 143, 145].

Невнимание по отношению к прошлому и будущему при сосредоточенности на настоящем характерно для всех фуражиров, живущих сегодняшним днем. Только в результате аграрной революции неолита сложились материальные предпосылки для формирования перспективно-ретроспективного восприятия времени: земледелец, чье хозяйство предполагает цикл сев – жатва – сев, в силу необходимости думает о будущем и вспоминает прошлое [Харари, 2016, 125-126]. Впрочем, у ранних/мотыжных земледельцев презентизма еще куда больше, чем историзма. Б. Малиновский писал о тробрианцах, что «аборигены не обладают никакой исторической перспективой... Важно осознать, что хотя туземцы и говорят о тех временах, когда человечества еще не было на земле, о временах, когда еще не было огородов и т. д., – однако все это появилось уже готовым: оно не изменяется и не эволюционирует» [Малиновский, 2004, 307-308]. Мало чем отличаются от них и скотоводческие этносы. Согласно Э.Э. Эвансу-Причарду, у нуэров историческое время «в значении последовательности ряда событий» не превышает полувека, а «структурное время», исчисляемое через соотношения возрастных групп, несколько более продолжительно, охватывая около столетия, но при этом не имеет абсолютной точки отсчета и движется вместе с самими группами, тогда как начинающаяся за пределами истории мифология лишена идеи последовательности – «одно мифологическое событие не предшествовало другому» [Эванс-Причард, 1985, 97-100].

Заключение

По типу восприятия времени, где доминирует презентное дление, а также определяемой этим степени (не)историчности сознания, общество преמודерна подобно обществу постמודерна, а информационное аналогично первобытному. Причины в том и другом случае разные, но до определенной меры симметричные, тогда как следствия одни и те же. Пребывая в вечном настоящем, мы все больше уподобляем будущее прошлому, возвращаясь из истории в миф. Трудно сказать, как это следует оценивать, но нам кажется, что необходимо заметить это и попытаться понять.

Библиография

1. Аксенов Ф.О. Экранная культура как актуальная форма социального мифотворчества и моделирование экранного культурного поля // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 1. С. 158-162.
2. Алиева Д.Я. Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 110-121.
3. Артемова О.Ю. Колено Исава: охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009. 560 с.
4. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская

- школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 252 с.
5. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
  6. Бужилова А.П. Палеопатологические аспекты адаптации человека верхнего палеолита // *Homo sapiens*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. С. 397-410.
  7. Вишняцкий Л.Б. Неандертальцы: история несостоявшегося человечества. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
  8. Даймонд Дж. Мир позавчера. Чему нас могут научить люди, до сих пор живущие в каменном веке. М.: АСТ, 2016. 672 с.
  9. Демина М.Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под влиянием новых информационных технологий // *Социологические исследования*. 2010. № 6. С. 87-92.
  10. Зарубина Н.И. Социально-экономическая проблематика в теориях постмодернистского типа // *Социологические исследования*. 2012. № 11. С. 9-19.
  11. Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. Т. 13. № 2. С. 21-51.
  12. Иванов Д.В. Актуальная социология: веселая наука в поисках злых истин // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. Т. 13. № 3. С. 51-65.
  13. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 304 с.
  14. Кабо В.Р. У истоков производящей экономики // *Ранние земледельцы*. Л.: Наука, 1980. С. 59-85.
  15. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2016. 564 с.
  16. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ВШЭ, 2000. 608 с.
  17. Клейн Л.С. Время в археологии. СПб.: Евразия, 2015. 384 с.
  18. Коломиец В.П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // *Социологические исследования*. 2010. № 1. С. 58-66.
  19. Коновалов И.А. Рождение времени для труда: рецепция работы Эдварда Томпсона о возникновении капиталистического темпорального сознания // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. 22. № 1. С. 193-224.
  20. Крживицкий Л. Хозяйственный и общественный строй первобытных народов. М. – Л., 1925. 228 с.
  21. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.
  22. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
  23. Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне. М.: Астрель, 2012. 219 с.
  24. Малиновский Б. Избранное. Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 552 с.
  25. Маффесоли М. У каждого свои трибы: от контракта к пакту // *Посредник*. Массмедиа, общество и культура. М.: Р.Валент, 2016. С. 281-290.
  26. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
  27. Моррис И. Собиратели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности. М., 2017. 488 с.
  28. Никишин Е.А. История и перспектива исследований социальной мобильности после мобильного поворота // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2019. Т. 22. № 2. С. 93-117.
  29. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2019-2021 годов. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf
  30. Панов Е.Н. Человек – создатель и разрушитель: эволюция поведения и социальной организации. М.: ЯСК, 2017. 634 с.
  31. Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 190 с.
  32. Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б. Социальная архаизация: экспликация, операционализация, концептуализация // *Вопросы философии*. 2019. № 5. С. 37-48.
  33. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // *Социологические исследования*. 2011. № 6. С. 13-23.
  34. Савельева Е.П. Новые группы профессионалов в условиях мобильного сетевого общества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. Т. 14. № 3. С. 67-82.
  35. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
  36. Севальников А.Ю. Время в современной картине мира (обзор научной конференции) // *Вопросы философии*. 2018. № 8. С. 192-198.
  37. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. 304 с.
  38. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.
  39. Стрельник О.Н. Миф и мифотворчество как элементы коммуникативного пространства современной культуры // *Вопросы философии*. 2018. № 7. С. 81-85.
  40. Урри Дж. Мобильности. М.: Праксис, 2012. 576 с.
  41. Урри Дж. Мобильность и близость // *Социологические исследования*. 2013. № 2. С. 3-14.
  42. Уэйд Н. На заре человечества: неизвестная история наших предков. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 408 с.
  43. Харари Ю.Н. *Sapiens*. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.

44. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2016. 208 с.
45. Шипилов А.В. Будущее постсовременного общества: вперед в прошлое? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 1. С. 7-26.
46. Шипилов А.В. Жизнь без труда? Это естественно // Социологический журнал. 2019. Т. 21. № 2. С. 153-170.
47. Шипилов А.В. Неистория. М.: Прогресс-Традиция, 2012. 448 с.
48. Шубрт И. Мир постмодерна в социологии Мишеля Маффесоли // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 25-32.
49. Шульман Е.М. Придется договариваться. Почему у горожанина будущего будут спрашивать про все // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka Press, 2017. С. 30-47.
50. Эванс-Причард Э.Э. Нуэры. М.: Наука, 1985. 236 с.
51. Эверетт Д.Л. Не спи – кругом змей! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. М.: ЯСК, 2016. 384 с.
52. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. 359 с.

Presentism: time before and after modernity

Andrei V. Shipilov

Doctor of Cultural Studies, Docent,
Professor at the Department of philosophy, economics, social disciplines and the humanities,
Voronezh State Pedagogical University,
394043, 86 Lenina st., Voronezh, Russian Federation;
e-mail: andshipilo@yandex.ru

Abstract

The article examines the phenomenon of presentism in the perception of time, in relation to which a post-industrial society is opposed to an industrial society and is compared not so much with a traditional as with a prehistoric pre-agrarian society. Posthistory and prehistory are less different from each other and more different from history, and if the temporal appears as a linear-vector movement directed from the past to the future in history, it looks like an infinitely stretching extension of a monotonously prolonged present in prehistory and posthistory. Modern society as a result of the development of information production and communication technologies is part of the process of rearchaisation, understood as retribalisation, renomadisation and remythologisation. In this regard, more and more analogies, isomorphisms, symmetries, and equivalences are emerging between postmodernity and premodernity. Primitive hunters and gatherers were in constant motion, did not store, did not save or inherit property, did not think about the future and had minimal memory of the past. Therefore, their perception of time focused on the present, taking foragers beyond the limits of history as the way of understanding events, in which the present is viewed as a consequence of the past and the cause of the future. The emerging post-historical society, characterised by a reduction in labour in favour of leisure activities, an increase in the territorial and various other mobility of the population, the flexibilisation of social institutions, the transition from ownership of property to the use of services, production, exchange, consumption and communication in real time, is similar to the prehistoric one, which explains the emerging trend from historicism to presentism.

For citation

Shipilov A.V. (2020) Prezentizm: vremya do i posle moderna [Presentism: time before and after modernity]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 10 (4A), pp. 143-155. DOI: 10.34670/AR.2020.91.23.018

Keywords

Time, presentism, premodernity, postmodernity, rearchaisation, retribalisation, remythologisation, communication, mobility, property.

References

1. Aksenov F.O. (2016) Ekrannaya kul'tura kak aktual'naya forma sotsial'nogo mifotvorchestva i modelirovanie ekrannogo kul'turnogo polya [Screen culture as an important form of social myth-making and modelling of the screen cultural field]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 1, pp. 158-162.
2. Alieva D.Ya. (1995) Paradigmaticheskie sdvigi v sotsiologii povsednevnosti: kontseptsiya Mishelya Maffesoli [Paradigm shifts in the sociology of everyday life: Michel Maffesoli's conception]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 1, pp. 110-121.
3. Artemova O.Yu. (2009) *Koleno Isava: okhotniki, sobirатели, rybolovy (opyt izucheniya al'ternativnykh sotsial'nykh sistem)* [The descendants of Esau: hunters, gatherers, fishers (the experience of studying alternative social systems)]. Moscow: Smysl Publ.
4. Bard A., Soderqvist J. (2002) *Netocracy: the new power elite and life after capitalism*. Reuters. (Russ. ed.: Bard A., Soderqvist J. (2004) *Netokratiya. Novaya pravayashchaya elita i zhizn' posle kapitalizma*. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in Saint Petersburg.
5. Bauman Z. (2000) *Liquid modernity*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg: Piter Publ.)
6. Buzhilova A.P. (2000) Paleopatologicheskie aspekty adaptatsii cheloveka verkhnego paleolita [Paleopathological aspects of the adaptation of Upper Palaeolithic man]. In: *Homo sungirensis. Verkhnepaleoliticheskii chelovek: ekologicheskie i evolyutsionnye aspekty issledovaniya* [Homo sungirensis: Upper Palaeolithic man: ecological and evolutionary aspects of the investigation]. Moscow: Nauchnyi mir Publ., pp. 397-410.
7. Castells M. (2011) *Communication power*. Oxford University Press. (Russ. ed.: Castells M. (2016) *Vlast' kommunikatsii*. Moscow: Higher School of Economics.)
8. Castells M. (2000) *The rise of the network society*. Blackwell. (Russ. ed.: Castells M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Moscow: Higher School of Economics.)
9. Demina M.N. (2010) Izmeneniya v kognitivnykh praktikakh individov pod vliyaniem novykh informatsionnykh tekhnologii [Changes in cognitive practices of individuals under the influence of new information technologies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 6, pp. 87-92.
10. Diamond J. (2013) *The world until yesterday: what can we learn from traditional societies?* Penguin Books. (Russ. ed.: Diamond J. (2016) *Mir pozavchera. Chemu nas mogut nauchit' lyudi, do sikh por zhivushchie v kamennom veke*. Moscow: AST Publ.)
11. *Eneolit SSSR* [The Eneolithic of the USSR] (1982). Moscow: Nauka Publ.
12. Evans-Pritchard E.E. (1940) *The Nuer: a description of the modes of livelihood and political institutions of a Nilotic people*. The Clarendon Press. (Russ. ed.: Evans-Pritchard E.E. (1985) *Nuery*. Moscow: Nauka Publ.)
13. Everett D.L. (2009) *Don't sleep, there are snakes: life and language in the Amazonian Jungle*. Vintage. (Russ. ed.: Everett D.L. (2016) *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Moscow: YaSK Publ.)
14. Harari Yu.N. (2015) *Sapiens: a brief history of humankind*. Harper. (Russ. ed.: Harari Yu.N. (2016) *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Moscow: Sindbad Publ.)
15. Ivanov D.V. (2010) Aktual'naya sotsiologiya: veselaya nauka v poiskakh zlykh istin [Current sociology: laughing science searching for wicked truths]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 13 (2), pp. 21-51.
16. Ivanov D.V. (2010) Aktual'naya sotsiologiya: veselaya nauka v poiskakh zlykh istin [Current sociology: laughing science searching for wicked truths]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 13 (3), pp. 51-65.
17. Kabo V.R. (1986) *Pervobytnaya dozemledel'cheskaya obshchina* [Primitive preagricultural community]. Moscow: Nauka Publ.
18. Kabo V.R. (1980) U istokov proizvodnyashchei ekonomiki [The dawn of the manufacturing economy]. In: *Rannie zemledel'tsy* [Early farmers]. Leningrad: Nauka Publ., pp. 59-85.
19. Klein L.S. (2015) *Vremya v arkhologii* [Time in archaeology]. St. Petersburg: Evraziya Publ.
20. Kolomiets V.P. (2010) Mediasreda i mediapotreblenie v sovremennom rossiiskom obshchestve [The media environment and media consumption in modern Russian society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 1, pp. 58-66.
21. Kononov I.A. (2019) Rozhdenie vremeni dlya truda: retseptsiya raboty Edvarda Tompsona o vznikenovnenii kapitalisticheskogo temporal'nogo soznaniya [Time for labour and its origins: E.P. Thompson on the temporality of

- industrial capitalism]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 22 (1), pp. 193-224.
22. Krzywicki L. (1925) *Khozyaistvennyi i obshchestvennyi stroi pervobytnykh narodov* [The economic and social system of primitive peoples]. Moscow – Leningrad.
  23. Lévy-Bruhl L. (1922) *La mentalité primitive*. Paris. (Russ. ed.: Lévy-Bruhl L. (2002) *Pervobytnyi mentalitet*. St. Petersburg: Evropeiskii Dom Publ.)
  24. McLuhan M. (1964) *Understanding media: the extensions of man*. McGraw Hill. (Russ. ed.: McLuhan M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow: Kuchkovo pole Publ.)
  25. McLuhan M., Fiore Q. (2001) *War and peace in the global village*. Gingko Press. (Russ. ed.: McLuhan M., Fiore Q. (2012) *Voina i mir v global'noi derevne*. Moscow: Astrel' Publ.)
  26. Maffesoli M. (2016) U kazhdogo svoi triby: ot kontrakta k paktu [To each his tribes: from contract to pact]. In: *Posrednik. Massmedia, obshchestvo i kul'tura* [Intermediary. Mass media, society and culture]. Moscow: R.Valent Publ., pp. 281-290.
  27. Malinowski B. (2004) *Izbrannoe. Argonavty zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected works. Argonauts of the Western Pacific]. Moscow: ROSSPEN Publ.
  28. Mason P. (2015) *Postcapitalism: a guide to our future*. (Russ. ed.: Mason P. (2016) *Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushchemu*. Moscow: Ad Marginem Press Publ.)
  29. Morris J. (2015) *Foragers, farmers, and fossil fuels. How human values evolve*. Princeton. (Russ. ed.: Morris J. (2017) *Sobirатели, земледельцы и ископаемое топливо. Как изменяются человеческие ценности*. Moscow.)
  30. Nikishin E.A. (2019) Istoriya i perspektiva issledovaniia sotsial'noi mobil'nosti posle mobil'nogo povorota [The history and perspective of research on social mobility after the mobile turn]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 22 (2), pp. 93-117.
  31. *Osnovnye napravleniya razvitiya finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii na period 2019-2021 godov* [The main directions in the development of the financial market of the Russian Federation for 2019-2021]. Available at: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/71220/main_directions.pdf [Accessed 22/04/20].
  32. Panov E.N. (2017) *Chelovek – sozidatel' i razrushitel': evolyutsiya povedeniya i sotsial'noi organizatsii* [Man as a creator and destroyer: the evolution of behaviour and social organisation]. Moscow: YaSK Publ.
  33. Pletneva S.A. (1982) *Kochevniki Srednevekov'ya. Poiski istoricheskikh zakonomernostei* [Nomads in the Middle Ages. Searching for historical patterns]. Moscow: Nauka Publ.
  34. Przhilenskii V.I., Przhilenskaya I.B. (2019) Sotsial'naya arkhaisatsiya: eksplikatsiya, operatsionalizatsiya, kontseptualizatsiya [Social archaisation: explication, operationalisation, conceptualisation]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 5, pp. 37-48.
  35. Romanovskii N.V. (2011) Novoe v sotsiologii – “bum pamyati” [The new in sociology as the “boom of memory”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 6, pp. 13-23.
  36. Sahlins M. (1972) *Stone Age economics*. Chicago. (Russ. ed.: Sahlins M. (1999) *Ekonomika kamennogo veka*. Moscow: OGI Publ.)
  37. Savel'eva E.P. (2011) Novye gruppy professionalov v usloviyakh mobil'nogo setevogo obshchestva [New groups of professionals in a mobile network society]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 14 (3), pp. 67-82.
  38. Schwab K. (2015) *The fourth industrial revolution*. Pearson. (Russ. ed.: Schwab K. (2016) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya*. Moscow: Eksmo Publ.)
  39. Seval'nikov A.Yu. (2018) Vremya v sovremennoi kartine mira (obzor nauchnoi konferentsii) [Time in the modern worldview (an overview of the scientific conference)]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 8, pp. 192-198.
  40. Shipilov A.V. (2018) Budushchee postsovremennoogo obshchestva: vpered v proshloe? [The future of postmodern society: forward to the past?] *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 1, pp. 7-26.
  41. Shipilov A.V. (2012) *Neistoriya* [Non-history]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ.
  42. Shipilov A.V. (2019) Zhizn' bez truda? Eto estestvenno [Life without work? This is natural]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 21 (2), pp. 153-170.
  43. Shul'man E.M. (2017) Pridetsya dogovarivat'sya. Pochemu u gorozhanina budushchego budut sprashivat' pro vse [We'll have to negotiate. Why will the citizen of the future be asked about everything?]. In: *Gorozhanin: chto my znaem o zhitele bol'shogo goroda?* [Citizens: what do we know about big city residents?] Moscow: Strelka Press Publ., pp. 30-47.
  44. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya* [The steppes of Eurasia in the Middle Ages] (1981). Moscow: Nauka Publ.
  45. *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period] (1989). Moscow: Nauka Publ.
  46. Strel'nik O.N. (2018) Mif i mifotvorchestvo kak elementy kommunikativnogo prostranstva sovremennoi kul'tury [Myths and myth-making as elements of the communicative space of modern culture]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 7, pp. 81-85.

-
47. Subrt J. (2018) Mir postmoderna v sotsiologii Mishelya Maffesoli [The postmodern world in the sociology of Michel Maffesoli]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 10, pp. 25-32.
  48. Urry J. (2002) Mobility and proximity. *Sociology*, 36 (2), pp. 255-274. (Russ. ed.: Urry J. (2013) Mobil'nost' i blizost'. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, pp. 3-14.)
  49. Urry J. (2007) *Mobilities*. Polity Press. (Russ. ed.: Urry J. (2012) *Mobil'nosti*. Moscow: Praksis Publ.)
  50. Vishnyatskii L.B. (2010) *Neandertal'tsy: istoriya nesostoyavshegosya chelovechestva* [The Neanderthals: the history of failed humanity]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.)
  51. Wade N. (2006) *Before the dawn: recovering the lost history of our ancestors*. (Russ. ed.: Wade N. (2016) *Na zare chelovechestva: neizvestnaya istoriya nashikh predkov*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)
  52. Zarubina N.I. (2012) Sotsial'no-ekonomicheskaya problematika v teoriyakh postmodernistskogo tipa [Socioeconomic problems in postmodern theories]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 11, pp. 9-19.